

По первой части пособия Е. М. Галкиной-Федорук видно, что автор понимает, какое большое значение для изучения лексики имеет анализ слов основного словарного фонда, являющихся словообразовательной и семантической базой для развития лексики (стр. 80 и далее), но в остальных главах он совершенно не касается ни типов, ни звуковых вариантов корней.

Особо следует подчеркнуть, что автор при всем своем старании уклониться от элементов фонетики не смог этого сделать. Получилось, что, вопреки его установкам, фонетика кое-где, так сказать, сама ворвалась в материал. Но так как фонетические факты представлены случайно, вне системы, они не помогли в объяснении лексических явлений (см., например, стр. 79).

Общее наше заключение: новые планы дают полную возможность начать серьезную и интересную работу со студентами, помогающую им понять живые процессы в языке.

А. В. Миртов

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ *

1

Исследование развития индоевропейского языка-основы представляет настолько большие трудности, что А. Мейе даже в принципе отрицал возможность его. Он писал: «Было бы наивно объяснять явления французского языка, не зная ни других романских языков, ни латинского; попытки объяснять индоевропейский язык не менее наивны и даже еще более нелепы потому, что мы не знаем самого индоевропейского языка, а имеем только системы соответствий, которые косвенно дают о нем представление»¹. Однако А. Мейе в этом вопросе не прав. Сравнительная грамматика не только устанавливает системы соответствий, но и дает нам некоторое общее (хотя и весьма неточное) представление о звуковой системе и грамматическом строе индоевропейского языка. И история развития последнего также отчасти доступна исследованию. Мейе полагает, что изучать развитие языка можно только путем сравнения его с родственными языками, и не учитывает того, что и сравнение разных форм одного языка может раскрыть кое-что в его истории. Некоторые возможности изучения развития грамматического строя общиндоевропейского языка возникают также благодаря тому, что отдельные языки ответвились от него неодновременно.

В частности, определенные особенности грамматического строя хеттского (неситского) языка дают основание думать, что он несколько раньше других индоевропейских языков отделился от языка-основы. Такими особенностями являются наличие в хеттском языке только двух родов — активного и пассивного, отсутствие в нем именных падежных окончаний множественного числа на *bh-* и на *m-* (которые образовались в разных диалектах общиндоевропейского языка независимо друг от друга и являются, повидимому, более поздними по происхождению, чем другие падежные окончания), широкое развитие гетероклитических именных основ на *r/n*, функционирование глагольных приставок как отдельных слов и отсутствие аориста в грамматической системе глагола.

И опыт сравнительно-исторического языкознания показывает, что возможно выяснение отдельных явлений, имевших место в развитии общиндоевропейского языка.

Открытия в области индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, сделанные в XX в., дают возможность поставить вопрос о древнейших грамматических категориях глагола индоевропейского языка. Система грамматических категорий глагола, приписываемая обычно индоевропейскому языку, является результа-

* Отставание сравнительно-исторических изучений, вызванное в свое время господством «нового учения» о языке, сказавшееся и на подготовке научных кадров, пока еще нельзя считать преодоленным. В статье А. Н. Савченко преподаватели языковедческих дисциплин, специалисты по языкознанию найдут обобщение данных по одному из важных вопросов сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. — *Ред.*

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 81.

том напластований разных эпох, а некоторые из этих категорий развились в индоевропейских языках, в основном, уже после их разделения. Начнем с тех категорий, которые в письменно зафиксированных древних индоевропейских языках получили главным образом значение времени.

2

К числу грамматических категорий, которые возникли в самый последний период существования общиндоевропейского языка, а может быть, и после его разделения, относится будущее время. Его нет в хеттском и древних германских языках, а в славянском и латинском оно было новообразованием. К общиндоевропейскому языку возводятся только формы будущего времени с суффиксом * -*sjo-* или * -*so-*, существующие в индо-иранских, греческом и балтийских языках. Пережитки этих форм фигуры есть и в латинском языке: *faxō, dixō, capō*¹. Но и в отношении этих форм соответствие между упомянутыми языками неполное². А. Мейе с достаточным основанием полагает, что эти формы имели раньше дезидеративное значение³. Возможно, что еще в некоторых диалектах общиндоевропейского языка они получили значение будущего времени, но можно также предположить (хотя и с меньшей вероятностью), что последнее значение развилось в отдельных индоевропейских языках после разделения, независимо друг от друга.

В греческом и индо-иранских языках есть формы имперфекта, образованные от основ настоящего времени при помощи аугмента и так называемых вторичных окончаний. Аугмент вообще выступает только в формах прошедшего времени, в ведийских и гомеровских текстах он был необязательным, и некоторые языковеды с полным основанием заключили, что он первоначально был наречием, обозначающим прошедшее время⁴. «Вторичные» личные окончания отличаются от «первичных», как известно, отсутствием конечного -*i* во всех личных формах единственного числа и в 3-ем лице множественного числа. Еще в прошлом высказывалась мысль, что это -*i* было первоначально показателем настоящего времени⁵. Факты открытого впоследствии хеттского языка полностью подтвердили это предположение. В хеттском языке не только общиндоевропейские окончания настоящего времени -*mi*, -*si*, -*ti*, -*nti* имеют в своем составе показатель -*i*, но и особое хеттское окончание 1-го лица единственного числа -*ḫ-*, выступающее в прошедшем времени в сочетании с окончанием -*un*, в настоящем времени сопровождается показателем -*i* (*sakḫ-i* «знаю»); последний распространился и на окончания 1-го и 2-го лица множественного числа.

Таким образом, имперфект характеризовался показателем прошедшего времени и отсутствием показателя настоящего времени. Очевидно, имперфект с самого начала имел значение прошедшего времени и других значений не имел. Между тем категория времени, как известно, не была свойственна глаголу общиндоевропейского языка. Значения настоящего и прошедшего времени развились в индоевропейских языках главным образом из более ранних видовых значений. Повидимому, имперфект возник в ту эпоху, когда видовые значения глагола уже преобразовались во временные и от основ презенса, имевших значение длительности, производились формы и настоящего, и прошедшего времени. Это могло происходить либо на последнем этапе развития общиндоевропейского языка, либо уже после его разделения. Следовательно, имперфект не относится к числу древнейших категорий индоевропейского глагола. Если он возник еще в языке-основе, то скорее всего как диалектное явление. Несомненно, общиндоевропейскими и притом древними категориями были презенс, аорист и перфект.

Категория настоящего времени есть во всех языках этой семьи. Формы настоящего времени индикатива актива имеют наибольшую общность в индоевропейских языках. Индоевропейские личные окончания настоящего времени, лучше всего сохранившиеся в санскритском языке и в хеттском спряжении на -*mi*, а в отношении первого лица единственного числа — в греческом, выступают в той или иной степени и в других древних индоевропейских языках, либо в полном виде, как в славянских, либо в редуцированном, с отсутствием конечного -*i*, как в латинском и германских языках. И характер основы настоящего времени общий в индоевропейских языках, вплоть до таких частностей, как отдельные суффиксы.

¹ См. А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 195.

² См. А. Мейе, указ. соч., стр. 229.

³ См.: там же, стр. 230; его же, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 193.

⁴ См.: К. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen, Bd. II, Teil III, Lief. 1, Strassburg, 1913, стр. 10—11; В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков, Казань, 1917, стр. 178.

⁵ См. К. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. II, Teil III, Strassburg, 1916, стр. 594.

Аорист также был в свое время широко распространен в индоевропейских языках. Он являлся действующей категорией в древних индо-иранских, греческом, армянском и славянских языках. Явные пережитки его есть в латинском языке среди форм латинского перфекта. В кельтских языках формы прошедшего времени некоторых глаголов восходят к аористу, некоторых — к перфекту. Следы аориста исследователи отмечают и в германских языках — в огласовке форм множественного числа сильного претерита и особенно в западногерманских языках — в огласовке 2-го лица единственного числа претерита¹.

Перфект является действующей категорией в древних индо-иранских и греческом языках; от него, в основном, происходит претеритум сильных глаголов в германских языках; явные пережитки его есть в итальянских и кельтских языках, одна форма *ēdē* сохранилась в старославянских и древнерусских письменных памятниках. Некоторые признаки, общие с перфектом, языковеды отмечают и в хеттском спряжении на *-hi* (подробнее об этом см. ниже).

Индоевропейский аорист является результатом сочетания в одной системе разных по происхождению форм: так называемых простых и сигматических. В отношении сигматических форм А. Мейе показал довольно убедительно, что они более позднего происхождения, чем простые². Он обратил внимание на то, что сигматический аорист по-разному применяется в индоевропейских языках, даже ближайше родственных. Так, этот аорист широко распространен в индо-иранских и греческом языках, меньше — в кельтских и совершенно отсутствует в германских; он часто употребляется в древних славянских текстах, но отсутствует в балтийских языках; некоторые формы его есть в латинском языке, но их нет в оскоко-умбском. Случаи применения сигматического аориста, которые можно было бы возвести к общиндоевропейскому языку, как санскр. *ādiksi*, греч. *ἔδε:ξα*, лат. *dixi*, единичны. Это можно объяснить тем, что в языке-основе сигматический аорист был мало развит и сформировался и распространился главным образом в отдельных индоевропейских языках. При этом Мейе указал также на то, что показатель аориста *-s-* не обладает свойствами, присущими суффиксам в индоевропейских языках: не сопровождается гласным *e/o*, вследствие чего чередование гласных при спряжении глагола в аористе происходит не в слоге, предшествующем непосредственно окончанию, а в слоге, предшествующем показателю *s*. Из этого Мейе делает вывод, что *s* было не суффиксом, обозначавшим аорист, а распространением корня. Основу, распространенную таким образом, он отмечает и в будущем времени индо-иранских, греческого и балтийских языков, и в индо-иранском дедидеративе, и в итало-кельтском конъюнктиве (и футуруме) на *-s-*. Повидимому, сигматический аорист представлял собой производную глагольную основу, использованную в разных значениях, в том числе и в значении аориста.

Простые же формы аориста при исследовании их обнаруживают свое древнее происхождение и глубокую связь с формами настоящего времени. От последних они отличаются «вторичными» личными окончаниями, некоторыми особенностями основы и в ряде языков — наличием аугмента. «Вторичные» личные окончания и аугмент свойственны также имперфекту и являются показателями прошедшего времени.

Но значение прошедшего времени у аориста не является первоначальным. Установлено окончательно, что формы презенса и аориста первоначально имели не временное значение, а видовое: презенс обозначал действие в его длительности, его течения, а аорист не имел этого оттенка значения и поэтому обозначал либо самый факт совершения действия, безотносительно к его длительности, либо заключительный момент действия, его завершенность³. Следовательно, и рассмотренные внешние отличия аориста от презенса — вторичные окончания и аугмент — не являются первоначальными, а возникли тогда, когда аорист получил уже значение прошедшего времени. Первоначально формы аориста отличались от презенса только особенностями основы.

Но эти особенности основы не представляли собой чего-нибудь единого, они были разнообразны у разных глаголов и, главное, были свойственны не только аористу: типы основ, которые у одних глаголов служили для образования аориста, у других имели значение презенса. Так, в санскрите и греческом ряд глаголов имеет тематическую основу аориста с редуцированной огласовкой корня (и в формах, не имеющих аугмента, как греческий инфинитив, — с ударением на тематическом гласном) при основе презенса с полной огласовкой корня и ударением на нем, например: греч. наст.

¹ См.: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 221—222; J. Sverdrup, Der Aorist im germanischen Verbalssystem und die Bildung des starken Präteritums, «Festschrift til Hjalmar Falk», Oslo, 1927; В. М. Ж и р м у н с к и й, История немецкого языка, 3-е изд., М., 1948, стр. 227.

² См. А. Meillet, Sur l'aoriste sigmatique, «Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure», Paris, 1908.

³ См. K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. II, Teil III, Zief. 1, 1913, стр. 70—71 и 79—80; А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 261—262.

λεῖπω — аор. ἔλιπον (инф. λείπειν — λитеῖν), φεύγω — ἔφυγον (φεύγειν — φυγεῖν), πύθεται — πυθέσθαι, δέσχωμαι — ἔδρхον «смотреть», санскр. наст. *bōdhati* — аор. *ābudhat* «просыпаться; знать», *rōḍiti* — *arudat* «плакать, горевать», *dhārṣati* — *ādhṛsat* «отваживаться», *rōcate* — *ārucat* «блистать», *sārpati* — *dsrpat* «ползть». Но другие глаголы, особенно в санскритском языке, имеют такую же основу в настоящем времени. В санскритской грамматике эти глаголы выделяются в шестой класс: *tudāti* «ударяет», *viśāti* «входит», *srjāti* «отпускает», *girāti* «глотает», *kirāti* «рассыпает», *spr̥ṣāti* «касается» и др. В греческом этих глаголов сохранилось очень мало, и ударение в них переместилось на корень: *κίω* «иду», *γλύφω* «вырезаю», *γράφω* «пишу»¹. С другой стороны, некоторые глаголы в аористе имеют тематическую основу с полной огласовкой, как греч. ἔγενονμεν «я родился», ἔτεκον «родил», ἔθεμεν «мы положили», санскр. *ākarat* «сделал».

Есть глаголы, имеющие в аористе корневую основу. Некоторые из этих основ есть не только в санскрите и греческом, но и в других индоевропейских языках: санскр. *dāt* «дал», греч. ἔδωκ «я дал», ἔδομεν «мы дали», слав. *da*, арм. *et* «он дал», санскр. *āsthāt* «стали», греч. ἔστη, слав. *ста*; санскр. *ādhāt* «положил», греч. ἔθη, ἔθεμεν, арм. *ed*; санскр. *āgāt* «пришел», греч. ἔβη; санскр. *āpāt* «выпил». Но корневые основы есть и в настоящем времени: санскр. *ēti* «идет», греч. εἶμι, лат. *i*; санскр. *āsti*, слав. *ѣсть*, греч. ἐστί, лат. *est*; санскр. *çētē* «лежит», греч. κεῖται; греч. φημι и др.

Есть основы аориста с удвоением корня: санскр. *ācakamat* «любил», *ātitarat* «переправил», *ābūbudhat* «будил», *ājījanat* «родил» и др.; греч. ἤγαγον «привел», φέρον «поднял», ἐκέλευε «побудил; приказал» и др. Но основы с удвоением довольно широко представлены и в настоящем времени; факты общеизвестны.

Некоторые факты показывают, что употребление той или иной основы в значении аориста или настоящего времени было тесно связано с лексическим значением глагола. Такие факты подметил Мейе в нетематических основах. Он указал, что если корень выражает действие само по себе (*l'action pure et simple, sans indication du développement*), то корневая основа имеет значение аориста; в значении презенса употребляется тогда более сложная основа, часто с удвоением, как, например, аорист санскр. *ādhāt*, арм. *ed*, греч. ἔθεμεν и презенс санскр. *dādhami*, греч. τίθημι, лит. *dėsti*, арм. *dnem*. Если же, наоборот, корень выражает действие в его развитии (*le développement de l'action*), то корневая основа является презенсом, например санскр. *āsti*, греч. ἐστί, слав. *есть* и др.; если при этом есть необходимость выразить данное действие само по себе (*l'action pure et simple*), то для этого применяется обычно другой корень, например санскр. *atti-aghah*, арм. *utem-keray*, греч. ἔδω (ἔσθω) — ἔφαγον². Поэтому вполне можно согласиться с мнением К. Бругмана, что аорист развился на основе лексических значений некоторых групп глаголов. Он выразил мысль, что образование аориста началось с того, что в индоевропейском языке были некоторые глаголы с основой типа **bhudhō-* (т. е. с ударением на тематическом гласном и с редуцированной огласовкой корня), которые сами по себе имели «перфективное» значение, т. е. выражали какой-то момент, а не длящийся процесс. Такое же значение имели и некоторые глаголы с корневой основой и долгим гласным типа **stā-*. В дальнейшем «перфективное значение ассоциировалось вообще с такими типами основы, и эти типы стали продуктивными именно в таком направлении»³.

Более определенные и более древние отличия от презенса имеет индоевропейский перфект. Он отличается особенными личными окончаниями и огласовкой *o* вместо *e* в слого, предшествующем окончанию, в формах единственного числа. В индо-иранских и греческом языках перфект обычно (за немногими исключениями) характеризуется также удвоением корневого слога, но эта черта не является общим признаком перфекта. В латинском языке среди форм, восходящих к древнему перфекту, есть целый ряд форм без удвоения, а из германских языков только готский имеет формы, восходящие к древнему перфекту с удвоением, и то в немногих глаголах.

На основании этих фактов можно заключить, что формы аориста имеют общее происхождение с формами презенса, но перфект с самого начала противостоял презенсу-аористу как особая грамматическая категория. Наличие у перфекта особых личных окончаний свидетельствует о том, что в эпоху образования личных окончаний он уже существовал как категория, противоположная презенсу.

¹ См. K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. II, Teil III, Lief. 1 1913, стр. 125, 127, 131—132.

² См. A. Meillet, Sur l'aoriste sigmatique, стр. 83—95.

³ K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. II, Teil II, Lief. 1, 1913, стр. 80.

Итак, к числу древнейших грамматических категорий индоевропейского глагола относятся презенс (с аористом) и перфект. Каково же было их первоначальное значение? Ряд исследователей, главным образом Б. Дельбрюк (см. его «Сравнительный синтаксис индоевропейских языков»), устанавливает, что перфект в индоевропейском языке обозначал состояние, достигнутое в результате предшествующего действия¹. Но впоследствии Я. Вакернагель и П. Шантрэн², исследуя значения перфекта в греческом языке, обнаружили в нем явные следы более древнего значения — значения состояния вообще.

Это значение, во-первых, имеет перфект целого ряда глаголов в гомеровских текстах. Шантрэн привел много примеров³. Правда, к ним он присоединил и некоторые перфекты, имеющие и результативный оттенок значения, как, например, τέτροφα «я отвердел, свернулся», τέτληκα «я растаял, растопился», σέσθηκα «я сгнил, гнилой», λέλοιμαι «я освобожден», βέβηκα «я пришел и нахожусь здесь» или «ушел и отсутствую», εἰλῆλυθα «я пришел и нахожусь здесь», πέφευγα «я бежал и нахожусь в бегстве», но в большинстве примеров перфект имеет значение только состояния, например: μέμνηκα «думаю, намереваюсь», μέμνημαι «вспоминаю», πέπνομαι «я разумен» и др.; κεχαρίσμαι «я принятен, нравлюсь», γέγηθα «радуюсь», μέμλε μοι «я забочусь, у меня лежит на сердце», ἀγάχτηκα «я печален» и др.; κεκόρτηκα «я сыт», δέδακρυμαι «проливаю слезы», κέκμηκα «я утомлен», ἐδωδα «шагну» и др.; ἐστήκα «стою», κέκλιμαι «лежу», τέταμαι «лежу, простираюсь», ἐρηρέδαται «опираются» и др.; ἐστήλα «нахожусь в расцвете», δέδθα «горю» и др.

Во-вторых, для установления первоначального значения перфекта показательно то, что в древнейших греческих текстах, особенно гомеровских поэмах, перфект в отношении времени больше относится к области настоящего, чем прошедшего. На это указал еще Г. Курциус⁴, выделивший основные группы глаголов, у которых перфект имеет значение настоящего времени. Впоследствии это подтвердил Я. Вакернагель, ссылаясь на материалы и классификацию Курциуса⁵. Шантрэн утверждает, что в поэмах Гомера все глаголы в перфекте имеют по существу значение настоящего времени⁶.

Обычным значением перфекта в древнейших произведениях греческой литературы было значение состояния как результата предшествующего действия. Предшествующее действие при этом мыслится как завершенное. Состояние, выражаемое перфектом, относится к настоящему времени; завершенное действие, в результате которого возникло это состояние, — к прошедшему. Естественно, что когда в значении перфекта стал усиливаться момент завершенного (результативного) действия, то он стал включаться в категорию прошедшего времени, служить одной из форм последнего. Но то обстоятельство, что в гомеровских поэмах перфект относится, в основном, к настоящему времени, показывает, что в то время в его значении главным был момент состояния.

В-третьих, показательно то, что в древнейших греческих текстах активная форма перфекта соответствует во многих случаях медиальной форме презенса. Например, глагол γίγνομαι, имеющий в настоящем времени только медиальную форму (с пассивным значением), в перфекте имеет только «активную» форму — γέγονα, πείθομαι «повинуюсь» — πέποιθα, βούλομαι «хочу» — προέβουλα, ἔρυναι «поднимаюсь» — ἔρωρα. Шантрэн утверждает, что в гомеровских поэмах нет ни одного случая перфекта с двумя рядами окончаний — активными и медиальными — и с соответствующими оттенками значений. Несколько отдельных случаев, когда перфект у Гомера имеет и активные, и медиальные формы с соответствующими значениями (например, βέβληται — βέβληται, πέπληγώς — πέπληγμένος, λέλοιπε — λέλειπται), он считает новообразованиями⁷. Шантрэн привел также много примеров активных перфектов, соответствующих медиальным презенсам, из произведений греческой литературы более поздних периодов.

В санскритском языке древнейшее значение перфекта не сохранилось, но и здесь есть случаи, когда активные формы перфекта соответствуют медиальным формам

¹ См. K. Brugmann и B. Delbrück, Grundriss..., Bd. IV, 1897, стр. 177 и сл.
² См.: J. Wackernagel, Studien zum griechischen Perfectum, Göttingen, 1904; P. Chantraine, Histoire du parfait grec, Paris, 1927.

³ См. там же, стр. 8—11.

⁴ См. G. Curtius, Das Verbum der griechischen Sprache, seinem Baue nach dargestellt, Bd. II, Leipzig, 1880, стр. 174 и сл.

⁵ См. J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax, Basel, 1920, стр. 166—167.

⁶ См. P. Chantraine, указ. соч., стр. 18.

⁷ См. там же, стр. 22.

презенса. Л. Рену нашел в «Ведах» целый ряд таких случаев¹. Например, презенсу *bhāyatē* «боятся» соответствует перфект *bibhāya*, *mōdatē* «радуется» — *mumōda* — *pādyatē* — *parāda*, *māśyatē* «пренебрегает» — *mamārša*, *jaratē* — *jāgāra*, *caṣsatē* «является, видит» — *caśaṣa*, *māratē* «умирает» — *matāra*, *sūtē* «рождает» — *susūva*.

Если при этом принять во внимание, что в санскритском языке, так же как и в греческом, только «активные» окончания перфекта являются особыми, свойственными только перфекту окончаниями, а медиальные окончания, в основном, те же, что и в настоящем времени, то становится ясным, что первоначальными окончаниями перфекта являются окончания, называемые активными, а окончания медиума возникли в перфекте позже, под влиянием презенса. К такому выводу, кроме П. Шантрена и Л. Рену, пришли также Б. Дельбрюк, А. Мейе и Е. Курилович².

Эта особенность перфекта обусловлена его первоначальным значением. Поскольку перфект обозначал состояние, противопоставление актива и медиума было ему чуждо. Значение состояния несовместимо со значением совершения чего-либо в свою пользу, свойственным медиуму. Пассивное значение, которое также было свойственно медиуму, было свойственно и перфекту. Оно было свойственно перфекту по его природе, т. е. перфект со своими первоначальными «активными» окончаниями имел пассивное значение, и особых еще медиальных окончаний для этого не требовалось.

Положение о том, что перфект выражал первоначально состояние, подтверждается также фактами хеттского языка. В хеттском языке нет перфекта, но некоторые следы его имеются. Е. Курилович и Э. Стертевант возводят к перфекту формы настоящего времени спряжения на *-hi*³. Действительно, окончание 2-го лица единственного числа презенса-*ti* имеет соответствие в других индоевропейских языках только в окончании 2-го лица единственного числа перфекта *-tha*. Тот факт, что в этом окончании *t* перед *i* не перешло в *z*, объясняют тем, что это *t* было придыхательным. Конечное *a* заменилось звуком *i*, потому что все окончания этого ряда снабжались показателем настоящего времени *-i*. Окончание *-i* 3-го лица единственного числа (*saki*) возводят к окончанию перфекта *-e*.

Есть в спряжении на *-hi* и некоторые следы огласовки, свойственной индоевропейскому перфекту. Так, глагол *sakhi* «знает», как показывают формы 1-го и 2-го лица множественного числа *sekuweni*, *sektēni* и форма 3-го лица множественного числа прошедшего времени *seker*, имел также корневую огласовку *e*, но в формах единственного числа *e* заменено гласным *a*, который восходит к индоевропейскому *o*. У глагола *aki* «умирает» огласовка *a*, восходящая к индоевропейскому *o*, распространилась и на множественное число как настоящего времени, так и прошедшего, но уцелевшая форма 3-го лица множественного числа прошедшего времени *eker* (наряду с *aker*) показывает, что этот глагол имел и огласовку *e*. А замена корневое гласное *e* гласным *a* в данном случае может быть объяснена только связью с индоевропейским перфектом. Более широкого отражения огласовки индоевропейского перфекта в хеттском спряжении на *-hi* пока не удастся обнаружить ввиду того, что общиндоевропейское чередование гласных в хеттском языке сильно стерлось и подверглось воздействию грамматической аналогии.

Но окончания, родственные окончаниям индоевропейского перфекта, в хеттском есть не только в настоящем времени спряжения на *-hi*, но и в прошедшем времени обоих спряжений, и при сравнении с окончаниями прошедшего времени лучше разъясняется связь с перфектом окончаний настоящего времени спряжения на *-hi*.

В хеттском претерите есть прежде всего окончание 2-го лица единственного числа *-ta*, полностью соответствующее окончанию перфекта *-tha*. Очевидно, прямую связь с ним имеет и окончание 2-го лица единственного числа презенса *-ti*. А в ближайше родственных хеттскому языку «иероглифическом» хеттском и лувийском есть окончание 1-го лица единственного числа претерита *-ha*⁴, полностью соответствующее оконча-

¹ См. L. Renou, La valeur du parfait dans les hymnes védiques, Paris. 1925, стр. 140—142.

² См.: K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. IV, 1897, стр. 415; A. Meillet, Les désinences du parfait indo-européen, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 25, 1925; J. Kurylowicz, Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 33, fasc. 1, 1932.

³ См.: J. Kurylowicz, e indoeuropéen et h hittite, «Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski», vol. I, Cracoviae, 1927, стр. 103; E. H. Sturtevant, A comparative grammar of the hittite language, Philadelphia, 1933, стр. 239 и 256—257 (vol. I, rev. ed., New Haven — London, 1951, стр. 142).

⁴ См.: W. Couvreur, Les désinences hittites *-hi*, *-ti*, *-i* du présent et *-ta* du prétérit, «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. IV (1936), Bruxelles, стр. 556; E. H. Sturtevant and E. A. Hahn, A comparative grammar..., 1951, стр. 131 и А. Десницкая, О хеттском языке [вступ. статья в кн.: И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952], стр. 12.

нию перфекта-а. Полный параллелизм между окончаниями претерита *-ha, -ta* и соответствующими окончаниями презенса *-hi*-спряжения *-hi, -ti* показывает, что между обоими рядами окончаний есть связь. Повидимому, окончания *-hi, -ti* образовались из *-ha, -ta* в результате замены конечного *-a* показателем настоящего времени *-i*. Кроме того, в претерите есть окончание 3-го лица множественного числа *-er* (*seker* «они знали», *eret* «они взяли», *eter* «они ели»), восходящее к соответствующему окончанию индоевропейского перфекта—санскр. *-ur* (*bibhyúr* «они боятся»), лат. *-re* (*vidēre* «они увидели»).

В. Куврёр в статье «Хеттские окончания *-hi, -ti, -i* презенса и *-ha* претерита» отрицает связь хеттского презенса *-hi*-спряжения с индоевропейским перфектом ссылаясь на различие в их значениях и в окончаниях множественного числа¹. Он утверждает, что окончания спряжения на *-hi* имеют связь с индоевропейскими окончаниями тематического спряжения. Первоначальным окончанием первого лица единственного числа тематического спряжения Куврёр, как и Х. Педерсен (несколько позже)², считает ларингальный согласный. В хеттском языке к нему был присоединен показатель настоящего времени *-i*, и так получилось окончание *-hi*. В других индоевропейских языках ларингальный слился с предшествующим тематическим гласным *o*, в результате чего получилось долгое *o*³. В отношении 2-го и 3-го лица единственного числа Куврёр, исходя из греческих *féreis, férei* и литовских *vedi* «ты ведешь», *vėža* «он везет», утверждает, что эти формы имели в тематическом спряжении одно и то же окончание *-ei*. Впоследствии каждый язык по-своему устранил это неудобное совпадение окончаний. Греческий сохранил окончание *-ei* в значении 3-го лица, а для выражения 2-го прибавил к нему *-s*. В литовском *-ei* закрепилось в значении 2-го лица, причем оно перешло в *-i*, а в форме 3-го лица заменилось окончанием *-a*. В хеттском языке *-ei* использовано в значении 3-го лица, причем оно перешло в *-i*⁴, а для выражения 2-го создано новое окончание *-ti* под влиянием соответствующего окончания претерита и медиопассива *-ta*⁵.

Но положения В. Куврёра не обоснованы. Положение о том, что индоевропейским окончанием 1-го лица единственного числа тематического спряжения был ларингальный согласный, вызывает сомнения, поскольку сама теория индоевропейских ларингальных согласных до сих пор является весьма спорной. Утверждение, что индоевропейским окончанием 2-го и 3-го лица единственного числа тематического спряжения было *-ei*, не соответствует фактам. Окончание *-ei* могло существовать только в отдельных диалектах индоевропейского языка, но нельзя считать его единственным общиндоевропейским окончанием 2-го и 3-го лица единственного числа презенса тематического спряжения, потому что в большинстве индоевропейских языков все глаголы, как нетематические, так и тематические, во 2-м и 3-м лице единственного числа настоящего времени имеют окончания **-si* и **-ti*. Очень мало есть оснований возводить хеттское 3-е лицо единственного числа *-i* к **-ei* и совершенно нет оснований полагать, что **-ei* было в хеттском спряжении на *-hi* также окончанием 2-го лица единственного числа.

Однако по значению спряжение на *-hi* не имеет заметных отличий от спряжения на *-ti*. Замечание Х. Педерсена, что *-hi*-спряжение было, вероятно, первоначально непереходным⁶, не подтверждается анализом значений соответствующих глаголов. К обоим хеттским спряжениям относятся глаголы как переходные, так и непереходные.

Для того чтобы выяснить, каково было значение окончаний спряжения на *-hi*, в отличие от спряжения на *-ti*, нужно обратить внимание на их связь с окончаниями медиопассива (единственного числа). Настоящее время медиопассива имеет окончания в 1-м лице единственного числа *-hari* (например, *yahari* «иду»), во 2-м лице — *-tari* (например, *estari* «сидишь») или *-tati* (*kestati* «становишься»), в 3-м — *-ari* (*esari* «сидит») или *-tari* (*yatari* «идет»). Конечное *-ri* (в 1-м лице *-ti*) есть и в формах множественного числа. Это *-ri* (или *-ti*), являющееся показателем медиопассива, во всех формах, кроме 1-го лица единственного числа, может и отсутствовать (например, *pahsa* «ты защищаешься», *esa* «он сидит»). Перед ним во всех формах имеется *-a*, которое также является показателем медиопассива. За вычетом его остаются формы 1-го лица единственного числа на *-h*, 2-го лица на *-t* и 3-го лица — чистая основа⁷, т. е. формы настоящего времени спряжения на *-hi* без показателя настоящего времени *-i*.

¹ См. W. Couvreur, указ. соч.

² См. H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938, стр. 81.

³ См. W. Couvreur, указ. соч., стр. 554.

⁴ См. там же, стр. 557.

⁵ См. там же, стр. 559—560.

⁶ См. H. Pedersen, указ. соч., стр. 85.

⁷ В 3-м лице единственного числа есть и форма на *-t(yatari* «идет»), но она, вероятно, перенесена из 2-го лица.

Медиопассив выражает пассивное состояние субъекта или то, что субъект действует на или в отношении себя самого¹. Тот факт, что окончания медиопассива образованы от окончаний спряжения на *-hi*, показывает, что последние, в отличие от окончаний спряжения на *-mi*, имели в какой-то степени пассивное значение. Учитывая связь их с окончаниями индоевропейского перфекта, можем утверждать на этом основании, что формы спряжения на *-mi* первоначально имели грамматическое значение действия, а формы спряжения на *-hi* — состояния. В эпоху хеттских письменных памятников это различие в значениях было уже утрачено.

Таким образом, формы, родственные индоевропейскому перфекту, в хеттском языке есть не только в презенсе спряжения на *-hi*, но и в претерите и медиопассиве обоих спряжений. Трудно представить себе, чтобы эти категории образовались непосредственно из перфекта, тем более, что не все окончания их можно возвести к окончаниям последнего. Скорее можно предположить, что хеттский язык унаследовал от индоевропейского систему форм, выражавших состояние, но еще не ставших перфектом. Похоже на то, что хеттский язык отделился от индоевропейского в ту эпоху, когда в последнем еще не завершилось формирование перфекта.

Вероятно, в ту эпоху и аорист еще не сложился. Э. Стертевант утверждает, что в хеттском языке есть пережитки сигматического аориста². К ним он относит элемент *s*, который есть у некоторых глаголов спряжения на *-mi* в формах настоящего времени (например, *damaszi* «давит, покоряет», *paszi* «пьет», *kaneszi* «находит, получает», *paraisteni* «отсылаете, дуете»), в окончании *-s* 3-го лица единственного числа претерита некоторых глаголов спряжения на *-hi* (*esesta* «совершил», *memista* «сказал», *unnesa* «пригнал» и др.), в окончании *-s* 3-го лица единственного числа претерита глаголов на *-hi* (*akkis* «умер», *sakkis* «знал», *wakas* «иришет» и др.). Но это сомнительно. Трудно признать пережитки аориста в формах настоящего времени, потому что в индоевропейских языках при развитии категории времени аорист получал значение только прошедшего времени, но не настоящего. Странным кажется, что хеттский язык, известный из столь древних письменных памятников и сохранивший в себе ряд архаичных черт грамматического строя индоевропейского языка, утратил аорист в большей степени, чем другие языки этой семьи, и при этом сохранил пережитки (очень невыразительные) только сигматических форм, а от более древнего простого аориста ничего не сохранил. Более вероятным кажется, что хеттский язык и не имел вполне сложившейся категории аориста, потому что отделился от общиндоевропейского языка еще до полного оформления этой категории.

Итак, перфект образовался из системы форм, выражавших состояние. Следовательно, презенс и аорист образовались из форм, выражавших действие.

4

В грамматической системе индоевропейского глагола были также категории залога и наклонения. Залогов было два: актив и медиопассив. Последний, особенно в применении к греческому и индо-иранским языкам, называют обычно медиумом, но он имел также и пассивное значение, и вернее называть его медиопассивом. Как изложено выше, перфект не имел первоначально медиопассива; медиальные формы развились в перфекте под влиянием презенса. Разделение форм на активные и медиальные раньше было свойственно только системе презенса-аориста.

Неоднократные попытки объяснить происхождение медиопассива не дали положительных результатов³. Одно несомненно: формы медиопассива различно складывались в диалектах индоевропейского языка. С одной стороны, есть формы медиопассива греческого и санскритского типа, которые характеризуются особыми личными окончаниями (**-ai**, *-sai*, *-tai* и т. д.). С другой стороны, в итальянских и кельтских языках есть формы пассива с характерным показателем *-r* (лит. *laudo-r*, *laudat-u-r* и т. д.). До недавнего времени в сравнительной грамматике было принято, что формы медиопассива такого типа, как в греческом и индо-иранских языках, были общиндоевропейскими и в остальных индоевропейских языках были утрачены, а формы пассива с показателем *-r* являются итальянским и кельтским новообразованием. Но

¹ См. Е. Н. Sturtevant, A comparative grammar., 1933, стр. 250 (vol. I—1951, стр. 138).

² Е. Н. Sturtevant, The s-Aorist in Hittite, «Language», vol. VIII, № 2, 1932.

³ См.: Е. Н. Sturtevant, The origin of the medio-passive, «Language», vol. VII, № 4, 1931; J. Kurylowicz, Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite; J. Safarewicz, Medialne końcówki prezentywne w prąjęzyku indoeuropejskim, «Bulletin international de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres. Classe de philologie. Classe d'histoire et de philosophie», Cracovie, 1938, № 7—10; A. Vaillant, Les origines du médio-passif, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 42, fasc. 1, 1946.

открытие тохарского и хеттского языков приводит к пересмотру этого положения. Оказалось, что формы на *-r* были и в тохарском языке, причем выражали здесь не только пассив, но и медиум¹. Этот же элемент в виде *-ri* служит для выражения медиопассива в хеттском языке, хотя и является здесь не единственным и не обязательным показателем медиопассива. Хеттский медиопассив имеет свои особые личные окончания (*-ha*, *-ta*, *-a* или *-ta* и т. д.), но к ним часто, хотя и не обязательно, присоединяется еще элемент *-ri* (*ya-ha-ri* «иду», *es-ta-ri* «сидишь», *es-ta-ri* «сидит», *ya-ta-ri* «идет»). Значение хеттского медиопассива сходно со значением греческого и санскритского медиума². Эти факты свидетельствуют о том, что элемент *-r* был показателем медиопассива еще в общиндоевропейском языке. Вместе с тем греческие и индо-иранские формы медиопассива имеют общее происхождение и их также нельзя считать греческим и индо-иранским новообразованием, они тоже восходят к общиндоевропейскому языку. Пережитки этой системы медиопассива в готском языке показывают, что она была свойственна и германским языкам. Повидному, одни и другие формы медиопассива сосуществовали в общиндоевропейском языке, в разных его диалектах.

Что касается значения, то более древним было, повидному, значение медиума. В индоевропейских языках наблюдается вообще тенденция к замене медиального значения пассивным. Так, в греческом языке формы медиума нередко имеют уже пассивное значение. Готский медиопассив, судя по его окончаниям, имеет происхождение общее с греко-санскритским медиумом, т. е. и сам первоначально был медиумом, но в готских письменных памятниках имеет уже пассивное значение. Показатель итало-кельтского пассива *-r* есть и в хеттском языке (в виде элемента *-ri*), но здесь он является показателем медиума. Возможно, что и в латинском и кельтских языках он имел первоначально медиальное значение. Формы пассива в латинском языке не у всех глаголов имеют пассивное значение: у *verba deponentia* они имеют активное значение. Это может быть результатом того, что формы латинского пассива имели первоначально значение, близкое к значению греческого медиума. Поэтому можно думать, что значение итало-кельтского пассива также является проявлением тенденции к переходу от медиального значения к пассивному.

Наиболее архаичные черты имеет, повидному, хеттский медиопассив. Его окончания единственного числа настоящего времени, как показано выше, происходят от окончаний категории состояния. Кроме того, его формы снабжаются (во в некоторых случаях еще необязательно) элементом *-ri* или *-ti*. Эти два способа выражения медиопассива в разных диалектах индоевропейского языка получили различное применение. Отсюда — выражение медиопассива в готском, греческом и индо-иранских языках особыми окончаниями, а в италийских, кельтских и тохарском — элементом *-r*.

В свете хеттских фактов находит свое объяснение загадочная особенность готского медиопассива — копочное *-a*. В хеттских формах медиопассива к личным окончаниям *-h*, *-t*, а в 3-м лице единственного числа — к чистой основе также присоединяется *-a*, которое было, повидному, показателем пассивности. Это *-a* есть и в окончаниях 1-го и 2-го лица единственного числа индоевропейского перфекта *-a*, *-ta*. Копочное **ai* греческих и индо-иранских «первичных» окончаний медиопассива **ai*, **-sai*, **-tai*, **-ntai* может быть объяснено как такое же *-a* + показатель настоящего времени *-i*. Эти обстоятельства, а также сходство санскритского «вторичного» окончания 2-го лица единственного числа медиума *-thāḥ* с соответствующим окончанием перфекта *-tha* дают возможность предположить, что медиопассив также имеет некоторую связь с древнейшей глагольной категорией состояния.

Коренное различие в формах медиопассива по диалектам свидетельствует о том, что образование его относится к эпохе усилившихся диалектных расхождений в индоевропейском языке, а это в свою очередь дает возможность заключить, что медиопассив не относится к числу древнейших категорий индоевропейского глагола.

В категории наклонения есть образования различного происхождения и различной древности. Сейчас ничего еще нельзя сказать о происхождении конъюнктива и опатива, но есть основания полагать, что императив является одной из древнейших грамматических категорий индоевропейского языка.

К общиндоевропейскому языку можно возводить следующие формы повелительного наклонения: форму 2-го лица единственного числа без окончания (санскр. *bhāra*, греч. *φῆε*, арм. *ber*, гот. *bair*, др.-ирл. *ber* «неси», лат. *lege* «читай», хет. *ep* «бери»); форму 2-го лица единственного числа с нетематической основой и окончанием **-dhi* (санскр. *i-hi*, авест. *i-di*, греч. *ἴ-θι* «иди», санскр. *vid-dhi*, греч. (F) *ἴσ-θι* «знай»); форму с окончанием **tōd*, которая в санскритском и латинском имеет значение 2-го и 3-го лица единственного числа, а в греческом — только 3-го (санскр. *bhāra-tat*, греч.

¹ См. Н. Pedersen, *Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung*, København, 1941, стр. 152—153.

² См.: Е. Н. Starčevant, *A comparative grammar...*, 1933, стр. 250 (vol. I — 1951, стр. 138); И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, стр. 142.

feré-to, лат. *es-tō*, др.-лат. *tōd*); форму 2-го лица множественного числа с окончанием *-te* (санскр. *bhāra-ta*, греч. *φέρε-τε*, лат. *fer-te*, гот. *nimi-þ*, хет. *ep-te-n* «берите»); формы 3-го лица единственного и множественного числа с окончаниями *-tu*, *-ntu* (санскр. *bhāra-tu*, *bhāra-ntu*, хет. *ep-tu*, *ap-anti*).

Исследованием форм индоевропейского повелительного наклонения занимался специально Р. Турнейзен¹. Этому вопросу касались также К. Бругман и А. Мейе в своих общих курсах². Все трое исследователей пришли к достаточно обоснованному выводу, что первоначальной индоевропейской формой повелительного наклонения была только чистая основа. Окончания **-dhi* и **-tod* возводятся к частицам, присоединявшимся к глагольной основе, которая сама выражала повелительность. Форма 2-го лица множественного числа на *-te*, как заметил Б. Дельбрюк³, могла быть формой презенса, включившейся в систему императива.

Основа глагола, ставшая повелительным наклонением, первоначально, повидимому, не относилась ни к какому лицу, а выражала побуждение вообще, и только вследствие того, что с побуждением обращаются чаще всего ко 2-му лицу, получила значение 2-го лица. Правильность этого вывода подтверждается также тем, что чистая глагольная основа служит формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения и в ряде других семей языков, например, в тюркских языках, монгольских, ряде угро-финских языков (мар. *тол* «приди», *луд* «читай», удм. *ветлы* «ходи», *кора* «руби», коми *мун* «иди», *ло* «будь», лопарск. *sarn* «говори», вогульск. *мин* «пойди»), в некоторых языках северного Кавказа⁴.

В. А. Богородицкий, сопоставляя выражение 2-го лица единственного числа повелительного наклонения с чистой основой глагола в тюркских и, с другой стороны, в индоевропейских языках, выразил такую мысль: «Это обстоятельство можно считать отголоском того, что именно приказание или призыв к известному действию были по времени своего возникновения древнейшим проявлением глагольности, т. е. подобно звательной форме в имени, которая может даже рассматриваться, как род подлежащего ко 2 ед. повел.»⁵.

Можно думать, что разделение изъявительного и повелительного наклонений в индоевропейском языке произошло в эпоху образования личных окончаний, причем форма повелительного наклонения, оставшаяся без окончания, противостояла формам изъявительного наклонения, получившим личные окончания. Следовательно, можно думать, что повелительное наклонение, выражавшееся чистой основой глагола, относится к числу древнейших категорий индоевропейского глагола.

Формы же изъявительного наклонения разделялись, в свою очередь, на формы действия и состояния. Различались они главным образом личными окончаниями. Один и тот же показатель обозначал действие или состояние и лицо и число. Следовательно, и категории лица и числа являются столь же древними. Таким образом, древнейшими глагольными категориями в индоевропейском языке можно признать категории действия, состояния, повелительности, а также лица и числа.

А. Н. Савченко

¹ См. R. Thurneysen, Der indogermanische imperativ, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. XXVII, N. F. Bd. VII, 1885.

² См.: K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. II, Teil III, 1916, стр. 569 и 572; А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 249.

³ См. K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss..., Bd. IV, 1897, стр. 364.

⁴ См., например, Л. И. Жирков, Табасаранский язык, М.-Л., 1948, стр. 112.

⁵ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934, стр. 134.